

Н.А. Сотавов.,
С.Р. Хадисова

ПРИКАСПИЙСКИЕ ОБЛАСТИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ ЭПОХИ ПЕТРА I И НАДИР-ШАХА АФШАРА

В современных условиях активного наступления НАТО на Восток в сферу глобальной политики Запада втягиваются регионы, имеющие важное стратегическое значение, обладающие выгодным географическим положением, значительными энергетическими, людскими и материальными ресурсами. Среди таких регионов наряду с Ближним и Средним Востоком, Закавказьем и Северным Кавказом в определенных рамках евразийского пространства оказались и Прикаспийские области, привлекающие внимание не только традиционно соперничающих в регионе Ирана, России и Турции, но и западных держав, в частности, США, объявивших эту зону сферой своих жизненных интересов. Проекты воссоздания «Великого шелкового пути», строительства трансконтинентальных нефтяных и газовых труб из Азии через Каспий, Закавказье, Турцию в Западную Европу, начавшееся размещение военных баз США в Закавказье и Средней Азии – лишь отдельные фрагменты, подтверждающие включение этих областей в круг центральных проблем мировой политики (10. С.13,14, 58, 59, 62, 63; 2. С. 62-63, 146-151, 240-241; 4. С.70 - 80, 216-221).

В свете сказанного представляется целесообразным экскурс в такие периоды истории народов Прикаспия, в рамках которых с наибольшей эффективностью проявились постоянно действующие региональные геополитические факторы, определяющие диалектику формирования и развития международных отношений на протяжении истории вплоть до наших дней. Одним из таких периодов в истории Прикаспийских областей и прилегающего евразийского пространства стала эпоха Петра I и Надир-шаха Афшара, характеризующаяся наивысшим накалом противоборства за гегемонию между Россией, Турцией и Ираном с одной стороны и поддерживавшими эти державы против России Англией и Францией – с другой.

Такой подход к изучению проблемы показывает, что Кавказско-Прикаспийский регион, являвшийся мостом между Европой и Азией, Востоком и Западом, Севером и Югом, интегрирующий экономические, политические и культурные процессы, оказывавшийся не раз в зоне важнейших военно-политических событий в прошлом, вновь выступает в системе основополагающих событий в современных условиях.

Решающее влияние на международные отношения в Прикаспийских областях в XVI - первой половине XVII в. оказывала политика Ирана и Турции, подвергавшаяся влиянию сначала Португалии и Голландии, а затем Англии и Франции. Начало этому процессу положили ирано-турецкие войны, нашедшие свое отражение в итоговых международных соглашениях. Рубежным среди них стал Касре-Ширинский (Зохабский) договор 1639 г., закрепивший за Ираном приморский Дагестан, Азербайджан, Восточную Армению, Восточную Грузию, Курдистан, Луристан, Диарбекир и Мосул с их областями, а также города Неджеф и Кербелу. К Турции отошли западные области Закавказья и Багдад (16. Р. 19-22). Установленный этим договором *status quo* сохранился до Каспийского похода Петра I и завоевания Ирана афганцами в 1722 г.

Отличительной чертой формирования международных отношений в рассматриваемом регионе с середины XVII в. стало появление на кавказском небосклоне третьей силы - поднимающейся России, покорившей Астрахань с выходом к Каспию в 1556 г., принявшей в подданство Кабарду в 1557 г. и овладевшей Азовом в 1700 г. Однако определяющая роль Прикаспийских областей в международных отношениях проявилась в главных военно-политических событиях, вписавшихся в эпоху Петра I и

Надир-шаха Афшара и втянувших в свою орбиту не только Россию, но и ее главных геополитических соперников – Англию, Францию, Швецию, Польшу и др.

Такая коллизия в международных отношениях, вызванная вмешательством упомянутых стран, формировалась вокруг определенных узловых событий: Каспийского похода Петра I, влияния в регионе между Россией и Турцией, русско-иранских контактов и договоров, русско-турецких и ирано-турецких войн, антирусской политики «восточного барьера» западных держав.

Наиболее значительное из этих событий – Каспийский поход Петра I, не имевший аналога по своим масштабам, количеству задействованных сил, военно-политическим последствиям, стал предметом специального исследования в отечественной и зарубежной историографии (5; 20. С.737-743). Хотя сам поход завершился в 1722 г. присоединением к России дагестанского побережья Каспия от Аграхани до Дербента, основные цели похода – овладение стратегической инициативой на Востоке и разворот восточной торговли с Европой с Левантийского направления на Каспийско-Волжскую магистраль – были реализованы частично в следующем году.

Поход Петра I и достигнутые им результаты вызвали широкий международный резонанс, отозвались эхом в столицах восточных и западных держав. Параллельно с походом Петра I начался натиск афганских феодалов на Иран, свергнувших Сефевидскую династию в октябре 1722 г. Оставшийся в живых наследник Сефевидов принц Тахмасп поручил находившемуся в Петербурге послу Исмаил-беку выяснить дальнейшие намерения российского монарха в отношении Ирана и иранских владений на Кавказе.

Реакция противодействующих сторон на происходящие события оказалась неоднозначной и зависела от того, какими собственными ресурсами и международными позициями они обладали. Сефевидский Иран, ослабленный внутренними противоречиями и афганской оккупацией, не мог противостоять натиску извне. Султанская Турция, владевшая обширными территориями в Азии, Европе и Африке, хотя и охваченная системным внутренним кризисом, оставалась влиятельной военно-политической силой, стремившейся компенсировать утерянные европейские позиции на Кавказско-Каспийском направлении. Российское государство, выведенное реформами Петра I в разряд ведущих мировых держав, сокрушившее военную мощь Швеции, оккупировавшее частично побережье Каспия, было готово к наступлению в том же направлении.

Создавшаяся ситуация вызвала острое недовольство Порты, выступившей с официальным предупреждением, что дальнейшее наращивание усилий России в Прикаспии повлечет объявление войны со стороны Стамбула. За этим заявлением последовали конкретные дела. Принятому в декабре 1722 г. в османское подданство в качестве верховного правителя Дагестана и Ширвана дагестанскому владельцу Хаджи Дауду поставили задачу, «дабы он к Ширвану близкие персидские провинции приобщил оружием.. всеми мерами старался выгнать российский гарнизон из Дербента и всяких тамошних краев» (АВПРИ. Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп. 77/1. Д.5. 4.1. Л. 11 с об.).

Гегемонистские устремления османов активно поддерживались английской дипломатией. Подстрекаемая интригами английского посла Стеньяна, Порты вела себя воинственно. В специальном письме турецкому султану Стеньян заверял его, что Россия готова к захвату всего Кавказа, но не имеет союзников в Европе и может быть легко разбита. Под влиянием английской дипломатии Порты стала готовиться к войне. В апреле 1723 г. великий визирь Ибрагим-паша потребовал признания за Турцией оккупированных османами западных областей Ирана, Закавказья и части Северного Кавказа с Дербентом. Россия должна была получить засулакские земли до Терека.

Турецкий план поглощения указанных территорий вызвал решительное противодействие со стороны России. Обезопасив дополнительными силами на случай войны с Турцией занятые русскими войсками территории на побережье Каспия, Петр I заявил о своей готовности защищать здесь интересы России всеми доступными средствами.

Переговоры, проходившие в июне – августе 1723 г., не дали положительных результатов. Настаивая на праве владеть Арменией, Грузией, Азербайджаном и Северным Кавказом, Порты перешла к прямым военным захватам. В июне 1723 г. турецкие войска заняли Тбилиси, что вызвало ликование английской дипломатии. В своем донесении в Лондон Стеньян подчеркивал, что дополнительные войска в Грузию были направлены по его инициативе (6. С. 28).

В ответ на это русские войска заняли сначала Энзели и Решт, а затем Баку. Вслед за этим, стараясь не допустить Турцию на побережье Каспия, Россия стала добиваться от Тахмаспа добровольной уступки Прикаспийских областей, обещая необходимую помощь Ирану для борьбы с афганскими и турецкими оккупантами. На этой основе 12 сентября 1723 г. был подписан русско-иранский Петербургский договор, представлявший России «в вечное владение города Дербент, Баку со всеми к ним прилегающими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, также и провинции Гилян, Мизандрон и Астрабат» (АВПРИ. Ф. 77/1, 1723. Д.15. ЛЛ. 3-6).

Договор закрепил переход к России указанных Прикаспийских областей с правом отстаивать эти области на основе взаимных обязательств. Не случайно этот договор вызвал ярость турецкого правительства. Военные действия в Закавказье возобновились. В октябре 1723 г. османы попытались овладеть Гянджой, но были разбиты объединенными силами армян, грузин и дагестанских горцев. Положение Дауд-бека оставалось неустойчивым. Дагестанские владетели не признали его власти. Особенно активно выступал против него казикумухский хан Сурхай, пытавшийся сместить ставленника Порты и овладеть Шемахой.

В такой обстановке русско-турецкие переговоры о сферах влияния на Кавказе и в Прикаспийских областях продвигались с трудом. 23 декабря 1723 г. русский резидент И. И. Неплюев предложил прекратить военные действия в тех пределах, которыми владели обе стороны. Русские войска к этому времени находились в приморском Дагестане, Баку, Энзели и Реште. Турция владела западной Арменией и частью Грузии и согласилась послать указ своим командующим в Закавказье не предпринимать военных действий против России.

Но под влиянием английской и французской дипломатии точка зрения османских министров вскоре изменилась. В конце декабря они заявили И. И. Неплюеву, что Порты не намерена вести переговоры за исключением тех мест, где находятся российские гарнизоны, а что касается остальных Прикаспийских провинций (Астрабад и Мазандеран), то будет отстаивать их силой. Вплетая новые узлы в русско-турецкие противоречия, западные дипломаты продолжали настраивать Порты против России.

Стеньян запугивал великого визиря тем, что Россия хочет овладеть всей восточной торговлей, и, если это случится, «тогда англичане и другие европейцы выедут из Турции к великому ущербу короны султанской. Поэтому Порты оружием должна остановить успехи русских на Востоке; и если Порты объявит войну России, то получит денежное вспоможение не только от короля, но и от всего народа английского» (13. С. 400). О характере «дружеского» посредничества французского посла де Бонака Неплюев доносил царю, что он требует, «дабы ваше величество соизволил войскам своим от границ тамошних ретироватца... и приговаривал с великим притягчением, дабы я по турецкому желанию к трактату склонился» (АВПРИ. Ф. 89: Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1724. Д.6. 4.2. ЛЛ. 259-261).

Однако твердая позиция России помогла одолеть Порте влияние западных держав. Убедившись в непреклонности позиций Петербурга, она выразила готовность признать за Россией обширные области Прикаспия до места слияния Аракса и Куры. На этой основе 12 июня 1724 г. был подписан русско-турецкий Константинопольский договор, предусматривающий раздел Дагестана, Ширвана и Прикаспийских областей между Россией и Турцией следующим образом:

- к России отходили те области, которые она получила у Ирана по Петербургскому договору 1723 г.;

- к ней же отходили 2/3 приморской полосы Ширвана и часть земель по Самуру, считавшихся под протекцией Сурхая;

- к Турции переходили бывшие иранские владения в Азербайджане (кроме Ардебил), Грузии, Армении и часть западных областей Ирана;

- на 1/3 территории Ширвана учреждалось отдельное Шемахинское ханство под управлением Дауд-бека, остававшегося под властью Порты;

- в Дагестане к Турции отходили Ахты, Рутул, Цахур и часть кюринских лезгинских земель, которые находились под покровительством Сурхая (9. С. 303-309).

Но и этот договор, подписанный под влиянием западных держав, не сгладил русско-турецких противоречий. Активность Порты подогревалась тем, что изнуренный афганской и османской оккупацией Иран не мог противостоять натиску извне. Появление талантливого полководца Надира, изгнавшего афганцев и возвратившего власть Тахмаспу в 1730 г., не внесла коренного перелома. Попытки Тахмаспа изгнать османов без ведома Надира, занятого подавлением восстания афганского племени абдали в Хоросане, обернулись катастрофой.

В течение 1731 г. османы трижды нанесли поражение Тахмаспу, вынудив подписать 12 января 1732 г. Керманшахский ирано-турецкий договор, обязывавший уступить турецкому султану Тбилиси, Ереван, Шемаху с Ширванской областью и Дагестан. Тебриз и Керманшах возвращались Ирану, р. Араке признавалась границей двух держав в Закавказье (19. С. 303-309). Немалая заслуга в заключении этого договора принадлежала французскому послу де Вильневу и великому визирю Топал Осман-паше, явно настроенным против России.

Керманшахский договор подтолкнул Россию на ответные действия. Правильно оценив создавшуюся ситуацию, она решила действовать через Надира, не признавшего упомянутый договор и тайно мечтавшего захватить власть в Иране. Ирано-турецкий альянс французского образца стал давать сбои. 21 января 1732 г. был подписан русско-иранский Рештский договор с Надиром, предусматривающий важные территориальные уступки со стороны России: возвращение ему Астрабада, Мазандерана и Гиляна с условием, чтобы эти земли «ни под каким образом в другие державы (Турции – Н.С.) отданы не были» (АВПРИ. Ф. 77, 1732. Д. 5. Л.51 об). Россия обязывалась выполнить свое обещание через пять месяцев после ратификации договора, если НаDIR вернет под свою власть захваченные османами территории в Ширване, Армении и Грузии. В трактате содержалось согласие вернуть Ирану Баку и Дербент, когда НаDIR полностью очистит Иран от османских войск.

Заключение Рештского договора подвигло Надира на продолжение войны с Турцией, развернувшейся в Закавказье и в Ираке. По совету Парижа, для отправки 25-тысячной крымской конницы на помощь сражавшимся там османам Порты привлекла обученного в Франции военного специалиста – барона Тотта. Вопрос о походе этого корпуса через Северный Кавказ детально обсуждался новым великим визирем Хакимоглу Али-пашой с участием де Вильнева. По признанию руководителя внешней политики Франции кардинала Флери, Париж настраивал Порту против России, используя её как шахматную фигуру (17. Р.80).

Крымская конница достигла Чечни в июне 1733 г., но была атакована русскими войсками у деревни Горячевской, у подножья горы Гюрзели, и откатилась на 10 верст назад. Хотя части этой конницы удалось обойти российские заставы и добраться до Дербента, но в сражении под крепостью она понесла существенный урон и смогла провести в турецкий лагерь на берегу Куры около 3-4 тысяч человек. Благодаря принятым российскими властями мерам задача, поставленная Портой перед Крымом, не была решена.

Поход крымского корпуса и его столкновение с русскими войсками вызвали резонанс в правительственных кругах Стамбула, Петербурга, Парижа и Лондона. Западные послы Вильнев и Кинуль обвинили Россию в нарушении Константинопольского договора 1724 г. и стали добиваться совместного выступления против неё Ирана и Турции. Но добиться этой цели им не удалось. Османские войска в Закавказье и Ираке остались без ожидаемой помощи из Крыма. Поражение их под Багдадом в декабре 1733 г. вынудило губернатора Багдада Ахмед-пашу подписать от имени султана Махмуда I мирный договор с Надиром на условиях возвращения к границам, определенным Касре-Ширинским договором 1639 г.

Соглашение в Багдаде, предусматривавшее возвращение Портой Ирану захваченных османскими войсками территорий, в том числе на Кавказе и в Прикаспии, дало повод Надиру требовать того же от петербургского двора. Ссылаясь на этот договор, в августе 1734 г. Надир обратился к местным владельцам с требованием «немедленно очистить провинции, находящиеся под их управлением» (1. С. 137-138).

Учитывая значение Ширвана и политический вес Сурхая, сменившего в 1728 г. на шемахинском троне обанкротившегося Дауд-бека, Надир решил подчинить сначала Сурхай-хана своей власти, чтобы расширить зону влияния на Кавказе. Но «шемахинская экспедиция» 1734 г. не достигла своей цели. Изгнав Сурхай-хана из Шемахи и Казикумуха в Аварию и приняв в подданство Хасбулата Тарковского с присвоением ему титула шамхала Дагестана, в конце сентября он двинулся обратно к Гяндже, где завершались переговоры о возвращении Россией Ирану Прикаспийских областей.

Оказавшись перед перспективой войны с западными державами из-за польского вопроса в Европе и угрозой возникновения антироссийского ирано-турецкого альянса на Востоке, российское правительство решило вывести свои войска из указанных областей, надеясь превратить Иран из потенциального противника в своего союзника. Исходя из этих соображений, 10 марта 1735 г. был подписан Гянджинский союзный договор с Ираном, предусматривающий отвод российских войск за р. Сулак с возвращением Прикаспийских областей Ирану, но с обязательным условием - ни при каких обстоятельствах не передавать их в дальнейшем султанскому правительству (14. С. 203-207).

Гянджинский договор, означавший отказ «онемеченных» бироновских правителей России от петровской политики покровительства народам Кавказа, резко обострил ситуацию в регионе. Под угрозой нашествия кочевых племен с юга и османо-крымских феодалов с севера пророссийски настроенные слои населения возвращаемых Ирану областей стали перебираться в горы или отходить вместе с передвигавшимися на р. Сулак и в Кизляр российскими войсками. В образовавшийся «вакуум» до прихода иранских войск спешно устремилась Порта, объявив себя защитницей единоверных мусульман-суннитов Кавказа от неверных «еретиков-шиитов» (иранцев).

Нашествие выделенной для этой цели 80-тысячной конницы крымского хана Каплан-Гирея ускорило тем, что в июле 1735 г. иранские войска разгромили турок под Карсом и Ереваном, заставив капитулировать их гарнизоны в Тбилиси, Ереване, Гяндже и Тебризе. По данным английского резидента в Петербурге К. Рондо, хану предписывалось двинуться на Кубань, а оттуда «в Кабарду и далее через Дагестан в

Персию» (Сборник РИО. СПб., 1891. Т.76. С.431). Выполняя этот приказ, неся большие потери от горских народов, в конце сентября крымцы достигли Дербента, но вынуждены были остановиться из-за активного противодействия со стороны России. В виде ответных акций против крымской агрессии через союзную Кабарду российское командование двинуло из Польши в Крым конный корпус Б. Х. Миниха, а из Кизляра в тыл противника 20-тысячный конный отряд генерала В. Н. Леонтьева. Изменившаяся ситуация вынудила султана Махмуда I направить указ Каплан-Гирею, «дабы он в Персию не ходил и от этого походу удержался» (АВПРИ. Ф.89, 1736. Д.5. 4.1. Л.59).

Но отступление хана не принесло спокойствие этому краю. Наоборот, вторжение и отступление крымцев ускорило новое вторжение Надира, превратившееся во вторую «шемахинскую экспедицию». Выступив из-под Гянджи 11 октября 1735 г., покорив Шеки, Ширван, Шемаху и Южный Дагестан, в конце ноября иранские войска подошли к Дербенту. Как и год назад, Надир решил и на этот раз расправиться со своим главным противником на Кавказе Сурхай-ханом. В конце декабря с Хасбулатом они взяли Казикумух, откуда Сурхай снова бежал в Аварию.

Учитывая бесперспективность вступления в Аварию без тщательной подготовки. Надир двинулся обратно на юг, покорил попутно владетелей Табасарана и кайтагского уцмия Ахмед-хана, которого назначил «хранителем печати Дагестана» (8. С.17-18). Временно покорив Губден и Баршлы, оставив значительные силы в Дербенте, Надир в марте 1736 г. вернулся в Мугань, где был коронован шахом Ирана.

Объявление Надира шахом Ирана и поражение османов в ходе русско-турецкой войны 1735-1739 гг. активизировали действия западных держав. Трудности, переживаемые Портой, были использованы европейской дипломатией для сближения Ирана с Турцией против России.

Благодаря ее стараниям в сентябре 1736 г. был подписан ирано-турецкий Эрзерумский договор, подтверждающий возвращение Портой Надиру прежних иранских владений в Грузии, Армении, Азербайджане и Дагестане. Подписанием этого договора Порты добилась нейтрализации русско-иранского Гянджинского трактата 1735 г., предусматривавшего русско-иранское взаимодействие в борьбе против османской экспансии (3. С. 135).

Такой поворот в политике шаха был обусловлен грандиозными планами завоевания Средней Азии, Афганистана и Индии, не изменившимися, однако, его стратегических замыслов на Каспийско-Кавказском направлении. Подтверждение тому - присланные из индийского похода многочисленные указы шаха брату Ибрагим-хану и сторонникам Ирана на Кавказе с требованием обеспечить «мир и спокойствие» в тех краях для овладения морским побережьем до Астрахани (8. С. 17-18). Но усмирить этот край не удалось. Направленные для этого в джарские джамааты летом 1738 г. иранские войска под командованием Ибрагим-хана были разбиты. Поражение иранцев и гибель Ибрагим-хана в Джаро-Белоканах могли иметь неприятные внутренние и международные последствия. Неслучайно по мере завершения индийского похода взоры шаха все чаще обращались в сторону Каспия и Дагестана, стоявших на пути его гегемонистских замыслов на Астраханском и Крымском направлениях. Свидетельство тому - конкретная задача, поставленная высшему командованию на приеме в честь победоносного завершения военной кампании на Востоке: «С огромным бесчисленным войском вступить в царство Кумух и сделать новое клеймо (даг) на этой стране. От этого клейма огонь пойдет по всему миру» (12. С.72-73). По свидетельству современника Мухамада Казима, после этой встречи «войско пришло в движение и, делая переход за переходом, двинулось в сторону Дагестана» (7. С.290 б.).

Кульминацией этой политики стал третий, дагестанский, поход Надир-шаха, предпринятый в мае 1741 г. во главе 100-тысячной армии. Тем самым шах, по мнению современного историка Сардадвара, стремился не только отомстить горцам за гибель брата Ибрагим-хана, как объявил публично, но главным образом покорить Дагестан, чтоб продемонстрировать России и Турции свое военное могущество. Однако решить эту

задачу не удалось. Хотя в летние месяцы 1741 г. иранские войска заняли территорию равнинного и предгорного Дагестана, но в кровопролитных боях в Андалале в конце сентября они потерпели сокрушительное поражение (18. С.720).

Поражение Надир-шаха в Дагестане, имевшее не только местное, но и международное значение, сказалось на политике противоборствовавших сторон. Освободительная борьба горцев, подрывавшая базу иранского влияния на Кавказе, совпадая со стратегическими целями царизма в регионе, встретила понимание со стороны Петербурга, став важным фактором сближения российских политиков и кавказских владетелей (11. С. 107).

Однако на пути сближения России с народами Кавказа стояли не только Турция и Иран, но и западные державы, разрабатывавшие планы ограничения влияния России в регионе. Свидетельство тому – письмо французского резидента в Петербурге де ля Шатерди от 2 сентября 1741 г. своему коллеге в Стамбуле графу Костеллану, в котором излагался проект совместного выступления Ирана и Турции с кавказского плацдарма против России. Предлагая обратить внимание Порты на то, что внутреннее состояние Российской империи открывает «свободный путь для татарских вторжений», он подчеркивал, что «общие религиозные интересы могли бы объединить турок и персов так, что исходя из этого принцип они обратили бы свои взоры на возвращение под власть последних магометанского государства... Астрахань, которую я под этим разумею, могла бы привлечь к себе внимание и честолюбие шах-Надира» (Сб.РИО. СПб., 1896. Т.96. С.365-366).

Однако более существенную помощь Ирану оказала Англия, использовав для этой цели капитана Элтона, поступившего на службу к шаху в звании адмирала иранского флота. По совету из Лондона, Элтон взялся за строительство 30-ти военных кораблей, обучение иранского персонала морскому военному делу, подвоз боеприпасов и провианта. Вместе с купцом Мунго Гремом он перевез на английских кораблях 980 пудов олова для шахской артиллерии, занимался разведывательной деятельностью, выбирая места для высадки иранского десанта на побережье Каспия (6. С.63,68,75).

Потеря отборных иранских войск в Дагестане и русофобия на Западе импонировали настроениям османских правящих кругов. Весть о поражении армии Надира была встречена в Стамбуле с «огромной радостью» (21. S.107), с «восторгом» (22. S.34), воодушевила Порту на продолжение войны с Ираном. Подобные же чувства испытывали и российские министры, не скрывавшие от иностранных послов своей удовлетворенности поражением Надир-шаха даже по политическим соображениям.

Однако реальная отдача для горцев от политики Петербурга и Стамбула оказалась неадекватной. В то время как Порта ограничивалась в основном попытками добиться поддержки горцами выдвигаемых ею на иранский престол самозванных «наследников» Сефевидской династии, российское правительство деятельно усиливало Кизляр, Кумыкскую равнину и сулакскую границу, активно принимало в подданство владетелей и старшин, что способствовало качественному сдвигу в ориентации горских масс в сторону России.

Убедившись, что продолжение войны на Кавказе не принесет ничего иного, кроме внутренних и международных затруднений, оставив гарнизоны на Сулаке, в Дербенте и Бойнаке, в феврале 1743 г. шах увел оставшиеся войска в глубь Ирана. Но как только эти части перешли за Араке, по Дагестану и Ширвану прокатилась новая волна народных восстаний. Попытки подавить эти восстания, предпринятые лично самим шахом в конце 1744 – начале 1745 г., чтобы повторно покорить этот край, не имели успеха.

Интерес, проявленный к Прикаспийским областям Петром I и Надир-шахом Афшаром, не угас и в последующий период XIX в., прошедший под знаком Кавказской войны и обозначил тенденцию к усилению влияния России в регионе и образованию обширной

Российской империи в евразийском пространстве. Но коренной перелом произошел в XX в. с образованием СССР, «склеившим» отдельные части распавшейся Российской

империи, в том числе западных и восточных областей Прикаспия, в единое централизованное государство - евразийское «сердце мира».

Однако разрушение биполярного равновесия в мире после распада СССР и стремление американо-натовского альянса к созданию монополярного мироустройства в собственных интересах повлекло кардинальные перемены на постсоветском пространстве, усилило гегемонистские притязания ведущих стран Запада и Востока на обладание громадными запасами нефти, газа и других энергетических источников Прикаспийских областей.

В свете сказанного представляется актуальным выявление геополитической роли этих областей в международных отношениях обширного евразийского ареала на протяжении истории с учетом современных реалий для выработки и реализации конструктивной региональной политики в интересах коренного населения Прикаспия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бакиханов А.К.* Гюлистан и Ирам. – Баку, 1991.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. – М., 1999
3. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории с 1722 по 1830 гг. В 3 ч. – СПб., 1869. Ч1.
4. *Зюганов Г. А.* География победы. М., 1998..
5. *Лысцов В.П.* Персидский поход Петра 1 1722-1723 гг. – М., 1951.
6. *Маркова О. П.* Россия, Грузия и международные отношения в XVIII в. – М., 1966.
7. *Мухаммад-Казим.* Поход Надир-шаха в Индию. (Извлечение из «Тарих-и Аламара-йи Надири»), Пер., пред. и прим. Петрова П.И. М., 1961.
8. Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии. Тбилиси, 1977. Вып.4.
9. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. 7. – СПб., 1830.
10. *Санои М.* Взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии: история и современность. – Алма-Аты, 1997.
11. *Сотавов Н.П.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. М., 1991.
12. Цит. по: *Козлова А.Н.* «Намэ-йи Алашара-йи Надири» Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран/Юсвободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1976. С.72-73
13. Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 9. Т. 18. – М., 1963.
14. *Юзефович Т.Д.* Договоры России с Востоком. С.203-207.
15. *Юнусова Л.И.* Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия в первой половине XVIII в. Баку, 1988.
16. *Некмаг М. А.* Essay sur Ehistoire des relations politique irano-ottomanes 1722 a 1747.-Paris, 1937.
17. *Cassels L.* The Struggle for the Ottoman Empire 1717-1740. – London, 1966.
- 18.
- 19.
- 20.
21. *Cerefeddin Erel.* Da'«istan ve da»istanlilar. Istanbul, 1961. S. 107
22. *Cemal Gxk3e.* Kafkasya ve Osmanli imparatorlu»un Kafkasya siaseti. Istanbul, 1979.